

18+

Роман Красильников

Приближение

Рассказы

Роман Красильников

Приближение. Рассказы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63619317
ISBN 9785005301710*

Аннотация

Перед вами – сборник рассказов, созданных автором с конца 1990-х гг. до 2020 г. Они написаны в различных жанрах (от политического детектива до антиутопии) и посвящены различным темам: любви и смерти, чести и предательству, вере и разочарованию, стране, ее прошлому, настоящему и даже будущему. Но главное в них – человек, стоящий перед выбором – какие ценности принять и как жить в этом мире.

Содержание

Твит-Содержание	5
Сейчас	9
Музейный смотритель	9
Идеальная жена	26
Враг	31
Премия	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Приближение Рассказы

Роман Красильников

© Роман Красильников, 2023

ISBN 978-5-0053-0171-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Твит-Содержание

СЕЙЧАС

Музейный смотритель

Музейный смотритель Борис Егорыч не может представить своей жизни без телепередачи «Слово пастыря» и иконы Богоматерь Умиление. Но вскоре в основах его бытия происходят существенные изменения.

Идеальная жена

Его жена настолько идеальна во всех отношениях, что так и тянет спросить: «В чем подвох?»

Враг

Главный персонаж увлечен компьютерными играми. Сможет ли что-нибудь вернуть его в мир реальных человеческих отношений?

Премия

Она либералка, он патриот. Она бунтарка, он конформист. Способна ли любовь преодолеть все преграды и можно ли верить чужому дневнику?

Герой

Не лишенный иронии рассказ о том, как серая рутинная работа расцвечивается воображением.

Паруса

Перед нами развернутся три истории, связанные с книгой «Алые паруса» и влияющие друг на друга самым неожиданным образом.

ТОГДА

Арбуз

Дениска покупает арбуз и строит далеко идущие планы. Но героя поджидает непростое испытание.

Дар

1998-й год. Голодные студенты слушают лекцию, а за окном случается страшная авария. Есть ли связь между этими событиями?

Улыбка

История о том, что может скрываться за улыбкой прекрасной женщины.

Интересно

Главное, что в ней привлекает, – непосредственность и интерес к жизни. Сможет ли он оценить это ее качество

по достоинству?

Об измене-нии

Потерявший «тебя», он встречает «её», и «она» попробует превратиться в «ты». Если непонятно, придется читать.

КОГДА-ТО

Приближение

Лирическое повествование о курортном романе на фоне крымских пейзажей.

Глиняная собачка

Такая короткая история, что ее пересказ дольше читать, чем сам текст.

Психограмма

Психологическая диагностика человека, пишущего письмо драматургу Эдварду Олби и размышляющего над вопросом, стоит ли бояться Вирджинию Вулф.

Манифест «Надежда»

Рассказ о жизни и творчестве, которые идут параллельно, но иногда переплетаются друг с другом.

Я хочу быть с тобой

Говорят, что выбранная тема влияет на исследователя.

Поэтому в жизни героя, занимающегося изучением смерти, не может быть все просто.

Последний

На земле остается лишь один ветеран Второй мировой войны. Как изменился мир к этому моменту?

Сейчас

Музейный смотритель

Г. А. Шекиной

*«Музейный смотритель относится к категории
технических исполнителей...»*

Из должностной инструкции

– Доброе утро, дорогие телезрители! В адрес нашей телепередачи поступил вопрос от Пересветовой Екатерины из города Пермь: «Уважаемый владыка! Почему так часто в церкви звучит слово „раб“, причем в положительном смысле? Мне кажется, что быть рабом, даже Бога, нехорошо».

Борис Егорыч внимательно смотрел на экран. Он получал необъяснимое удовольствие от голоса и от облика ведущего, от его неспешной манеры рассказывать о самых важных и трудных вопросах. С каждым словом пастыря в сердце входила благодать, уверенность в своих силах, расклеенная жизнь склеивалась, а душевные раны заживали.

– Церковь христианская сыграла огромную роль в разрушении рабства. Хотя христианство никогда не выступало с политическими программами и никогда не обращалось с призывом бороться с рабовладельческим строем, само по себе христианское послание было настолько противо-

положно идее рабства, что в конце концов с победой христианства разрушилась и рабовладельческая Римская империя.

Не все слова пастыря Борис Егорыч принимал на веру. Он видел и понимал сильные и слабые стороны религии, блеск и нищету ее истории, много размышлял об отдельных событиях и явлениях: мученичестве первых христиан, крестовых походах, испытаниях советского времени. Наверное, его раздумья касались только поверхности на водной глади сокровенных знаний, но он мыслил так, как умел – где-то соглашаясь с услышанным или прочитанным, где-то делая самостоятельные выводы, а где-то отказываясь заглядывать за стену противоречий.

– Господь не называет своих последователей рабами. Напротив, он говорит, что вы не рабы мне, а друзья, потому что раб не знает воли господина своего, а вы знаете мою. Значит, слово «раб Божий» – это то, что сами люди придумали, сформулировали. Почему же в церкви так устойчиво используют эти слова? Христиане называют себя рабами Божиими в том смысле, что считают идеалом для самих себя исполнение воли Божией. А воля Божия благая и совершенная, как нас учит Священное Писание. Значит, исполняя благую и совершенную волю Божию, мы достигаем благодати и совершенства нашей жизни, раскрываем свой потенциал, возвышаем свою личность.

«Я не раб, – подумал Борис Егорыч, – и хочу достичь благодати и совершенства».

Его отношения с церковью Божией не были идеальными. Каждый раз, когда Борис Егорыч сталкивался в храме с чем-то, что противоречило его представлению о Боге, он уходил оттуда и не возвращался. Как правило, его волновало неуважение к человеку, проявлявшееся в поведении людей, прислуживавших в церкви, или даже священников. То старушка нагрубит в церковной лавке, требуя от посетителя точной платы за свечу. То поп на исповеди слишком строго спросит о прелюбодеянии, о котором прихожанин думать думал, но считал борьбу с этими мыслями личным делом, пока что успешно выигранным у беса-искусителя. То однажды встретил одноклассника, который слыл шпана шпаной, а теперь пошел во власть и приезжал на дорогой машине поговорить с духовником; священник встречал его не без пиетета и потечески журил, заигрывая с «большим человеком».

Все это нарушало настрой, с которым Борис Егорыч подходил к храму, готовился войти в обитель Бога и попросить прощения за свои грехи, сомнения и поступки, казавшиеся неправильными. Вскоре все местные церкви лишились своего прихожанина.

Борис Егорыч, как ему казалось, честно искал духовное пристанище и долгое время не находил. Внезапно таким храмом для него стала телепередача, в которой пастырь произносил удивительно точное и верное слово. «Я верую», – хотелось сказать после каждой программы, и Борис Егорыч так говорил.

Борис Егорыч работал смотрителем в местном музее, расположенном в бывшем соборе. Здание поражало своим внешним видом: оно было построено в восемнадцатом веке в стиле барокко, украшено полуколоннами и лепниной. Внутреннее помещение отличалось прекрасной акустикой, здесь, в окружении экспонатов, часто проходили концерты.

Экспонатами были иконы, хорошо сочетавшиеся с духовной и другой классической музыкой. Среди всех образов, рожденных в разные века, Бориса Егорыча привлекал один, рядом с которым он старался проводить как можно больше времени. Это была самая старая икона из собрания музея, датируемая четырнадцатым веком, – «Богоматерь Умиление». Сохранился только красочный слой на центральной доске – лики Марии с Младенцем и частично их руки и одежда. Огромные глаза Богоматери, зеленоватый колорит иконы производили на зрителя глубокое впечатление. «Каждый раз – как первый», – любил повторять Борис Егорыч, когда утром заходил в алтарное пространство, где выставлась икона, включал свет и вглядывался в образ. Как ему казалось, «Богоматерь» и место вокруг нее – апсида, конха – источали истинную благодать, какую он не встречал нигде прежде. Разве только при встрече с пастырем во время воскресной телепередачи.

Как известно, среди музейных зрителей не бывает мужчин. Не нужно доказывать, что Борис Егорыч был исключением. До пенсии он работал реставратором в мастерской при музее, но был скорее исполнителем, чем руководителем или исследователем. Он больше помогал, выполнял черновую работу, самостоятельно восстанавливал произведения искусства, которые считались не столь ценными. Поэтому приработков у него было немного: частные заказы получали другие реставраторы, более авторитетные и активные.

В училище на эту специальность его когда-то определил отец, потомственный реставратор. Борис Егорыч, любивший с детства рисовать, выжигать, мастерить деревянные модели, воспринял этот поворот судьбы с благодарностью, но знал, что никогда не достигнет высот родителя (Егор Васильевич когда-то участвовал в восстановлении фресок самого Рублева). Он был более замкнут, как говорится, себе на уме. Поэтому и окончил училище в середнячках, устроился на работу в провинциальный город за пределами Золотого кольца и предпочитал в музейной мастерской тихую, размеренную работу на вторых ролях.

Но за внешним спокойствием Бориса Егорыча скрывалась настойчивая и беспокойная внутренняя жизнь. В советское время он удивлял своих коллег интересом к богословской стороне иконописания, вчитывался в атеистические истории церкви в поисках цитат из Иоанна Дамаскина, Феодора Сту-

дита и других святых – и вписывал их в контекст личного отношения с образом и Богом.

Этот интерес не остался незамеченным со стороны его соседки по мастерской – Нины. Она была тоже одинока, погружена в исследование изображений Прокопия Устюжского и однажды получила обстоятельный ответ от Бориса Егорыча на вопрос о богословском обосновании иконного образа. Они стали поглядывать друг на друга, сходили вместе на несколько концертов в здании бывшего собора и внезапно нашли рядом человека, который умеет молчать и слушать.

Когда началась перестройка и в открытую заработали церкви, Борис Егорыч начал свои «поиски храма». В один из них он пригласил и Нину – «посмотреть» на службу, «встретиться с верой» за пределами мастерской и научных исследований. Но на молодую женщину эта «экскурсия» не произвела впечатления: она осталась, как и была, убежденной атеисткой, не признававшей мистических откровений и поисков.

Однако разногласия относительно церкви не помешали их общению. Они умели не заходить на территорию близкого человека, уважая его мнение и увлечения. В этой ситуации им не оставалось ничего более, как пожениться и жить долго и счастливо.

Так и случилось, но далее их жизнь развивалась с поразительной быстротой, совершая невероятные повороты. Лет пять пронеслись, как киноплёнка: начало девяностых, ни-

щета и тоска освободившихся людей, верность профессии и борьба с бытовыми трудностями. Нина никак не могла забеременеть, возраст у нее уже был для рождения ребенка критический, а Борис Егорыч, как мог, утешал ее и себя. У него же не было желания иметь детей: его занимали другие поиски – материальные и духовные. Эта проблема стала постепенно подтачивать их отношения, и в конце концов между ними образовалась трещина, которую оба не смогли ничем заполнить.

Из квартирки Бориса Егорыча Нина переехала к маме, на работе старалась с ним не разговаривать. Он подумал, что ей нужно время, чтобы пережить произошедшее, и, надламываясь внутренне, дал ей возможность почувствовать себя свободной. Через пару месяцев он увидел жену с незнакомым мужчиной в кафе, потом узнал, что она переехала к нему. Все было кончено.

Нина забеременела. Она светилась от счастья на работе и даже смягчилась к нему, время от времени ненароком вскрывая его кровоточащие раны. Они снова общались, но на другом уровне – договаривались о разводе и развелись.

Нина не успела выйти второй раз замуж. У нее родился ребенок с синдромом Дауна. Ее любовник не согласился признавать такого сына своим и порвал все отношения с матерью.

Нина лежала в больнице. Она оказалась не готовой принять ребенка, разрушившего ее новую семью, и отказалась

от него. Клубок противоречий разрывал ей мозг, и она не знала, что дальше делать.

Борис Егорыч забрал ее из больницы в свою квартирку и уговорил отказаться от первоначального решения. Они забрали сына Нины к себе, назвали его Семеном и начали новую жизнь. Это оказалась очень трудная жизнь: в стране не было возможностей для воспитания таких детей, никто не знал, что с ними делать. Семен в глазах окружающих выглядел недочеловеком, которому не было места в обычном обществе.

Борис Егорыч, как мог, в одиночку зарабатывал деньги на пропитание семьи. Нина была вынуждена заниматься только ребенком. Случайно она познакомилась с голландской парой, путешествовавшей по России со своим сыном с таким же синдромом. Иностранцы убедили ее, что Семен уникален и способен на многое. Нина получила приглашение в Голландию в центр, занимающийся воспитанием и социализацией детей с синдромом Дауна...

Глядя на «Богоматерь», Борис Егорыч зачастую замечал в иконе знакомые черты. Его бывшая жена организовала благотворительный фонд, помогающий детям с синдромом Дауна в России. Приемный сын получил возможность стать полноценным членом общества, но не здесь, а в Голландии. Однако их связи становились все менее и менее крепкими, чему способствовали расстояния и время. Он был одинок, и его поддерживали только духовные поиски – своего пути и сво-

его храма.

* * *

– Опыт неверия проходит каждый человек. У каждого человека в какой-то определенный момент жизни, а часто и неоднократно, появляются сомнения. И присутствие сомнений в душе человека, в его мысли совсем еще не свидетельствует о том, что человек впадает в грех. Сомнение – это не неверие. Сомнения даруются нам как некое испытание, в хорошем смысле слова искушение, на которое мы должны ответить не отказом от Бога, а принятием Бога.

Борис Егорыч удивлялся и радовался мудрости пастыря. Смотрителя часто обуревали сомнения. После жизненных невзгод и разочарования в местных храмах он стоял на грани отчаяния. И только «Слово пастыря» спасало его, не раз приходя на помощь в трудную минуту – и в девяностые, и в двухтысячные.

– Вот если кто-то из нас проходит через сомнения и в результате этого опыта вновь обретает веру, чаще всего у такого человека и жизнь потом меняется. Потому что выстрадана его вера, это вера не на уровне просто отвлеченного знания, эта вера живет в человеке на уровне его реального опыта.

«Я верую», – радостно думал Борис Егорыч с высоты своего опыта сомнений и страданий.

* * *

После выхода на пенсию Борис Егорыч решил стать музейным смотрителем. Скрамная, плохо оплачиваемая должность, но других вариантов у него не было: он не мыслил себя без музея, а сидеть дома без дела не хотелось. Вначале его определили в западную часть собора, ближе к дверям, где вечно гуляли сквозняки. Здесь располагались иконы восемнадцатого века, рядом с которыми ему сидеть было не очень весело. Особой святости в них он не чувствовал, время от времени разглядывал фигурки в клеймах да помогал экскурсоводам не допускать до экспонатов фанатичных паломников и шкодливых мальчишек.

В первые же дни Борис Егорыч понял, что хотел бы сидеть в алтарной части собора. Не тепло привлекало его сюда — он открыл для себя икону «Богоматерь Умиление», от которой исходил ровный и мягкий внутренний свет, обволакивавший зрителя и проникавший в него. Он никогда не имел дел с этим образом в реставрационной мастерской. Впрочем, икона не открывалась, по-видимому, каждому — пробегающему мимо или вторгающемуся в нее исследовательской рукой. Она ждала особого часа, когда свет и звук в храме уравниваются, застывают и являют притаившемуся наблюдателю чувство гармонии и совершенства.

Смотрители не слишком-то стремились работать в алтарной части. Здесь было гораздо больше ценных экспонатов, а значит, больше ответственности. Поэтому, когда коллегу,

работавшую в этом зале, настиг очередной приступ артрита и она взяла больничный, Борис Егорыч договорился о смене своего поста.

* * *

Весть о смерти патриарха быстро облетела музей. Борис Егорыч поймал себя на мысли: «А что если?». Вскоре эта мысль стала реальностью: пастыря избрали патриархом.

Борис Егорыч поначалу смотрел интронизацию с радостным чувством, пока не ощутил тревогу. Как изменится этот человек, достигнув высот церковной карьеры? Как он будет себя вести? Наконец, что будет с любимым «Словом пастыря»?

Борис Егорыч уже во время церемонии замечал страшные для него перемены: помпезность, с которым было обставлено вступление на престол, непроницаемость лица того, кого он считал чуть ли не другом.

Насторожили зрителя и слова, сказанные патриархом на встрече с президентом:

– Дух симфонии, но не буква, должен реализовывать себя в рамках того законодательного поля и на основе тех конституционных положений, которые существуют. Это открывает замечательную перспективу развития церковно-государственных отношений таким образом, чтобы ни государство, ни церковь, не вмешиваясь в дела друг друга, уважали вза-

имно позицию друг друга по этим внутренним делам и одновременно выстраивали широкую систему взаимодействия, диалога и сотрудничества.

Отношения Бориса Егорыча с государством трудно было назвать идеальными. Оно уничтожило все сбережения его семьи в начале девяностых, не предоставило ни шанса Семену, всю жизнь платило музейщикам нищенскую зарплату. И вот лучший друг, пусть и сделав массу оговорок, вступил на путь сотрудничества со злейшим врагом, от которого можно было спастись только одним способом – бегством в себя.

Тревоги относительно любимой телепередачи тоже оправдались. Она не сразу, но продолжилась. Однако это был другой пастырь. На нем теперь лежала печать величия, отделяющей патриарха от простых людей. Исчезла душевность, мягкость, появились жесткие нотки и большая назидательность. Или это только казалось?

Дальнейшие события усилили разочарование Бориса Егорыча. Немилосердное отношение церкви к хулиганкам, по глупости и гордыне своей осквернившим храм, закон о защите чувств верующих, скандал вокруг часов патриарха – все это правдами и неправдами вторгалось в душу. В жизни зрителя остался только тихий свет «Богоматери».

– Егорыч, подпиши петицию! – сказал зрителю Лёнька, работавший в музее электриком.

– Какую петицию?

Уже беглый взгляд на листок поверг Бориса Егорыча в ужас. В петиции работники музея протестовали против передачи здания в ведение церкви.

– Лёнь, как это возможно?

– Федеральный закон, Егорыч. Против него не попрешь, но мы попробуем.

Поняв, что недосмотрел что-то важное, зритель начал расспрашивать в музее о происходящем. Оказалось, что патриарх сменил местного митрополита на нового, более молодого, расторопного и делового, потребовав от него активного «продвижения» церкви в регионе: увеличения количества приходов, священников, учащихся, выбирающих «Основы православной культуры» в школе, а также реализации закона о передаче РПЦ церковного имущества. Пустые и ложные цифры, планы и отчеты, которые с недавних пор принялись душировать все творческое в культуре, науке и образовании, вторглись и в сферу веры человека.

Юридически полагалось искать и готовить для музея новое здание в течение нескольких лет, но губернатор накануне выборов запланировал приезд патриарха на следующий год, отчего и ускорил возврат собора епархии.

Все вокруг завертелось. Петиция осталась без ответа, обсуждение в СМИ закончилось ничем. Музейщики плани-

ровали организовать митинг, которые местные власти под удобным предлогом отменили. Тогда кто-то предложил провести несанкционированную акцию протеста, на что Ленка многозначительно заметил:

– Можно получить реальные сроки. Никто сейчас не застрахован.

О несанкционированном митинге никто больше не заикался.

Тем более что беспокоящийся о своем медиарейтинге губернатор предложил музею конкретное здание, хотя и неудобное для экспозиции. Страсти потихоньку улеглись. Музейщики начали готовиться к переезду. Борис Егорыч участвовал в этих приготовлениях, но чувствовал себя, как в тумане.

* * *

Открытие музея в новом здании затянулось. Помещения требовали ремонта, на который у области не было средств. Предполагалось, что в новом здании музей икон откроется в лучшем случае через полгода.

Но в это время город был занят другим событием. Все ждали приезда патриарха. Он должен был освятить освобожденный от музея собор. Храм был приведен в порядок, его расписали и украсили новым иконостасом. Собор не мог вместить всех желающих, поэтому на площади перед ним

установили большой экран для трансляции освящения.

В музей пришла разнарядка: всем быть во время службы патриарха – для массовости. Борис Егорыч, раньше к таким моментам относившийся спокойно (куда только работников культуры не сгоняли!), прошептал упрямо: «Не пойду».

И все-таки он пошел. Он скучал без «Богоматери», пока еще томившейся в запасниках. Ему хотелось взглянуть на обновленный собор, на пастыря, и в глубине души еще теплилась надежда на воскрешение источившейся веры.

В собор он, конечно же, не попал. Там, кроме патриарха и священнослужителей, были губернатор, мэр, их заместители, руководители департаментов и депутаты (среди них – тот самый одноклассник). Это Борис Егорыч увидел на большом экране, к которому подступить тоже было непросто. Время от времени ряды людей крестились и кланялись: в соборе – патриарху, на площади – экрану.

Вдруг Борис Егорыч заметил Леньку. Он копался в одной из многочисленных колонок, опоясывавших площадь. Смотритель продрался к электрику сквозь толпу и тихонько спросил:

– Привет, Лень, работаешь?

– Привет, Егорыч, – ответил электрик, – как видишь. Колонка барахлит. С меня за это семь шкур спустят. А ты чего здесь? Сигнали?

Борис Егорыч утвердительно кивнул.

– Внутрь не пускают? – многозначительно спросил Ленька

и, не дождавшись ответа, сказал в ухо: – Хочешь на службу вживую взглянуть?

– А как?

– Я проведу. Да не бойся ты, никто не заметит.

Смотритель не боялся, а сомневался. Но, увидев, что Ленка уже закончил ремонт и направился в боковую дверь собора, поспешил за ним. По дороге электрик дал Борису Егорычу свой чемоданчик с инструментами, и полицейский, стоявший у служебного входа, равнодушно пропустил их.

Оставив инструменты рядом с электрическим щитком, они поднялись на хоры и осторожно выглянули из-за колонн, как мальчишки из засады. Невдалеке стоял охранник, и дальше они не пошли. Отсюда тоже было все неплохо видно.

В глаза сразу бросилась большая люстра-паникадило, украшенная десятками электрических свечей. Фрески были блестящими и яркими, запах свежей краски просачивался сквозь аромат ладана. На месте «Богоматери Умиление» стоял новый высокий иконостас. Ряды икон тоже были блестящими и яркими, но казались ненастоящим, не подходящим собору. Свет и звук в храме не уравнивались, не застыли и не являли притаившемуся наблюдателю чувство гармонии и совершенства.

Борис Егорыч с замиранием сердца посмотрел на собравшихся внизу людей. Со спины он узнал пастыря, его фигуру, седые волосы. Он услышал его голос, ведущий службу. Голос

был красивый, торжественный, но чужой. Патриарх повернулся, и змотритель увидел уже знакомое величие, обращенное к важным чиновникам и камерам. Пастырь-друг ушел в небытие.

Борис Егорыч не мог здесь больше находиться. Он пошел вниз по лестнице, оставив Леньку подглядывать за службой. В одно из окон змотритель увидел людей, молящихся на площади перед экраном.

Борис Егорыч чуть не запнулся за чемоданчик с инструментами и тут обратил внимание на электрический щиток. Не отдавая себе отчета, он открыл дверку и опустил все рубильники, какие мог. И вышел.

Вначале Борис Егорыч подумал, что ничего не произошло. Он шагнул мимо полицейского и попал в толпу, которая продолжала молиться. Но когда змотритель взглянул на другой конец площади, то понял, что сделал свое дело. Экран был пустым. По инерции люди продолжали кланяться и креститься, но через несколько мгновений они один за другим замерли в недоумении.

В здании что-то пришло в движение. Полицейские потянулись к рациям.

2015 г.

Идеальная жена

Моей жене

Он приехал домой с работы усталый и злой, но, как только увидел свет в окнах своей квартиры, почувствовал себя значительно лучше.

Жена открыла дверь. Она была в мягком джемпере, украшенном бело-рыжим орнаментом, и джинсах, подчеркивавших ее фигуру. Светлые волосы обрамляли ее лицо, и казалось, что сияние пробивалось сквозь них лучистыми струями.

– Как дела, мой хороший?

Он понял, что соскучился за день по ее голосу и обнял ее. Тепло женского тела взволновало его, и он попробовал засунуть руку под джемпер.

– Что ты делаешь? – вскрикнула жена, отстраняясь. – Холодно! Раздевайся, мой руки и марш ужинать.

Он оставил руки поверх ткани, но все равно удержал жену на какое-то время. Он посмотрел в ее глубокие серые глаза и почувствовал себя еще лучше.

Жена ушла на кухню и забренчала там, совершая последние приготовления к ужину. Переодеваясь в домашнее, он уловил запах красной рыбы с картошкой – его любимого блюда. Потекли слюнки.

Зайдя на кухню, он увидел еще и салат под гранатовым соусом, лепешку и бутылку вина с бокалами. Жена умела готовить удивительные вещи – простые, но очень вкусные.

– Ты не сказал, как дела? – напомнила она.

– Теперь могу и рассказать, – улыбнулся он.

За ужином, которым он наслаждался, медленно смакуя кусочек за кусочком, глоток за глотком все, что было ему предложено, он рассказал о сегодняшнем дне. О том, как они начали изготавливать новую микросхему. Ему достался самый сложный участок – финальной проверки контактов. Как всегда бывает с новым изделием, на сборке случались ошибки, и это ужасно раздражало его. Вот почему он пришел таким уставшим и злым.

– А как ты провела день?

– Ты же знаешь, что благодаря тебе у меня уйма свободного времени, – констатировала жена. – Читала книги, делала йогу, смотрела телевизор. Что еще?

– Что за книга? – как бы ненароком бросил он.

– Да не Донцова, нет, – попыталась пошутить она. – Попробовала почитать «Старика и море» Хемингуэя. В школьной программе ведь не было.

– И как?

– Начало тяжеловатое, а потом интересно. Рассказать?

– Да я читал. Но если хочешь, рассказывай. Только коротко.

Жена даже подпрыгнула на стуле от удовольствия

и в красках начала пересказывать произведение. Где-то она так увлекалась, что показывала происходящее: как старик ловил рыбу, отбивался от акул. Особенно ей удалась финальная сцена, сочетание усталости и чувства собственного достоинства на лице героя. Он любил эти ее представления и наслаждался тем, как она пыталась донести до него смысл произведения.

Наконец, жена завершила рассказ.

– Bravo! – зааплодировал он, запивая вином последний кусок.

Она демонстративно поклонилась и спросила:

– Как рыба?

– Отлично. Ты удивительно готовишь.

– Спасибо, мне приятно, – улыбнулась она и добавила нежно: – Люблю тебя.

– А я тебя, – ответил он.

Они закончили ужин, вместе поставили тарелки и приборы в посудомоечную машину и отправились в комнату, взяв с собой оставшееся вино.

Вечер был чудесный. По совету жены, они завалились на диван и включили «Манхэттен» Вуди Аллена. Фильм был старый, но было в нем что-то настоящее, человеческое. Ошибки героя казались немного наивными, актеры старомодно одевались, но на них было приятно смотреть. История шла вперед только благодаря разговорам, но фильм давал возможность и посмеяться, и задуматься.

Пора было ложиться спать.

– Ты не устал? – придвинувшись к нему, прошептала она и, не дождавшись ответа, поднялась с дивана. – Я быстро.

Жена ушла в ванную. Он разобрал диван, приготовил постель и лег, слушая звук душа, представляя, как вода струится по женскому телу, как оно впитывает в себя запах абрикосового геля. Потом шум воды закончился, открылась дверь ванной, и аромат скользнул по коридору в комнату...

* * *

После он какое-то время лежал, расслабленный и умиротворенный. Рядом была она, его счастье и утешение в этой трудной бессмысленной жизни. Жена часто спасала его от отчаяния, от усталости, от всего плохого, что наваливалось на работе и потом – в рефлексиирующем сознании.

Что еще ценного есть в его жизни? Он старается быть экономным, купил себе не самую дорогую модель «умного дома», бережет ресурсы планеты. Думает о духовном развитии: беседует о книгах, смотрит авторское кино. На прошлой неделе в театр ходили, на следующей в филармонию собираются.

Что еще? Возможно, нужен ребенок. Это было бы так естественно и красиво. К сожалению, ребенок не входил в данный комплект «умного дома». Нужно лучше продумать этот вопрос – и с финансовой, и с моральной точки зре-

ния.

А жена входила. Теперь все сомнения улетучились: это была удачная покупка, несмотря на кредит. Он аккуратно, бережно использует ее. В соответствии с инструкцией.

Он немного подумал и, несмотря на усталость, взял с тумбочки пульт, чуть-чуть увеличил показатели шутливости, склонности к ссоре, сексуальности, загрузил в память голубое платье, пиццу, «Отца Сергия» Толстого и «Солярис» Тарковского. Потом включил жену в розетку на подзарядку и заснул.

2016 г.

Враг

*«По коридору бежит маленькая фигурка...»
В. Пелевин «Принц Госплана»*

* * *

О, этот благословенный день! Я помню его как сейчас. Мы с соседом по комнате торжественно завозим в общежитие увесистые коробки, поднимаем их на четырнадцатый этаж и распаковываем. Пусть в «двушке» собралось человек пять – мне кажется, что это толпа. Они пришли, чтобы посмотреть на мою покупку, порадоваться за меня, ну, и, конечно же, позавидовать. Аккуратно, боясь повредить драгоценное содержимое, мы сообща вытаскиваем из коробок все составляющие моего нового друга – компьютера.

* * *

Другой мой друг умел подсоединять провода и устанавливать операционную систему. За бутылку пива он со знанием дела, даже немного задаваясь, проделывает нужные процедуры, и пиратская, купленная на московской Горбушке «Виндоуз'98» открывает нам все свои окна. Сразу же устанавливаем игру «Герои меча и магии» и с наслаждением погружа-

емся в нее. Втроем или вчетвером? Среди игроков, кстати, была и Даша.

* * *

Это был конец 2001 года. Только что случилось 11 сентября (помню, как в этот день мой сосед заходит в комнату с газетой и объявляет, что началась третья мировая война), шла контртеррористическая операция в Чечне, корабли Кубрика завершали свою космическую одиссею, – а мы учились в университете, подрабатывали, бродили по Питеру, ездили по его окрестностям и играли, играли, играли. Вначале нас увлекла третья часть «Героев», потом «Казачьи: Последний довод королей».

* * *

На самом деле все началось гораздо раньше. В 1990 г. на нас в нашем провинциальном городке обрушилось все и сразу. Вместе с нищетой и барахолками, видеосалонами и «Звездными войнами» появились японские «Ямахи», к которым в отличие от отечественных «ДВКашек» относились уважительно. На них были первые интересные игры, прежде всего «бегалки» и «стрелялки». На них делали первый компьютерный бизнес: в здании УПК (учебно-производственного комбината, где весь город проходил практику) за рубль можно было поиграть в течение часа.

Помню мой первый сеанс. Отстояв очередь, я сажусь за компьютер. Час пролетает незаметно. Я выхожу абсолютно ошалелым – вероятно, от совершенно новых ощущений. Игра подарила мне возможность проживать множество жизней, настойчиво добиваться своей цели, несмотря на неудачи, многократные ранения и постоянную смерть.

Бабушка давала мне этот рубль по большим праздникам, поэтому я вместе с другими пацанами гораздо больше времени проводил у окна, подглядывая в щелочку за действиями счастливчиков-игроков. Думаю, ее специально не закрывали, чтобы привадить нас, как котят к молочку, чтобы мы завидовали, мечтали попасть вовнутрь, приносили все наши деньги. Кажется, я так и делал.

* * *

Но это было удовольствие за деньги, которых у нас с бабулей почти не было. Вскоре компьютеры появились у некоторых моих одноклассников: их отцы вели своей нелегальный бизнес или пробивались в депутаты. Когда друзья приглашали меня к себе домой, чтобы поиграть в «Абрамс», «Ф-16», «Принца» или «КингсБоунти», думаю, они наслаждались не только своей добротой, но и моей завистью. Подобное наслаждение охватило и меня, когда я привез мой первый компьютер в общагу. Но теперь мне не нужно было платить за удовольствие.

Меня не касались другие стороны компьютера. Кто-то быстро переключился на программирование, кто-то — на системное администрирование, кто-то — на создание баз данных или сайтов, а я только играл и в этом коконе чувствовал себя комфортно и самодостаточно. Здесь не нужно было решать суперсложных задач, я ни от кого не зависел и мог управлять целым миром. Да, выдуманным, но разве так называемый реальный мир не выдуман? Сегодня он также располагается в мире компьютеров, которые стали уже открыто и повсеместно определять правила игры. Пусть гораздо более серьезной и рискованной.

Внимание наше сосредоточилось на экране больше, чем на людях, даже наших родных. Я помню это чувство еще с тех пор, как играл на программируемом калькуляторе (компьютеры тогда я видел только на картинках). На маленьком табло мелькают числа, которые нужно запомнить, чтобы преодолеть цифровое препятствие. С карандашом в руке (конечно, я жульничал, не запоминая числа, а записывая их) я старательно вглядываюсь в миниатюрный прямоугольный экран, и ничто не может отвлечь меня от этого занятия. Бабушка как-то попыталась, — и мне долго потом пришлось извиняться за мою грубость.

Уже за полночь. Даша спит. Она сумела победить своего противника на сложном уровне. Я еще нет. Эта игра может дорого нам обойтись: завтра госэкзамен.

Наконец, и я побеждаю. Я выключаю компьютер, он затихает, и я глажу его по бокам, как засыпающего коня. Я зажигаю настольную лампу, прикрытую газетами от спящей девушки, и с трудом начинаю вникать в учебник. Я никогда не сплю перед экзаменами, потому что привык полностью контролировать ситуацию.

* * *

Я сдал экзамен на «хорошо», а Даша – на «удовлетворительно». Она демонстративно сидит в стороне с книгой. Говорит: «Больше никогда не буду играть». Разве такое можно обещать? Вышла следующая часть «Героев»: графика замечательная, а вот сюжет не очень интересный. Хотя если уж начал – пройти нужно до конца.

Нам осталось жить в общежитии совсем ничего – пару летних месяцев. Сосед уехал к родственникам. Наверное, сейчас самое время сказать ей то, что я чувствую. Сейчас пройду уровень – и скажу.

* * *

Все произошло внезапно. Даша выдернула меня из-за

компьютера и обняла. Я был захвачен врасплох ее поступком. Голова шумит от игры, в ней мелькают образы магических существ, тактика и стратегия, которые я не успел осуществить. Возможно, поэтому всё дальнейшее прошло не так гладко, как я себе представлял, как видел в фильмах. Но она сказала: «Ничего, главное, что мы теперь вместе». Я согласен с ней. Все-таки настоящая девушка куда лучше компьютерных принцесс, какие бы красоты и формы ни пририсовывали им художники! Хотя... последняя в «Диабло» была ничего.

* * *

Бабушка заболела. Конечно, она и раньше часто болела, но, судя по ее голосу, на этот раз что-то серьезное.

Естественно, мы возвратились в наш провинциальный город. Мы – потому что Даша решила поехать со мной. У нее были заманчивые предложения по работе в Питере, но она сделала свой выбор.

Можно было поселиться на квартире у бабушки, но Даша захотела жить отдельно. Мы поселились на съемной квартире, а друзья помогли перевезти компьютер и прочие вещи.

* * *

Чтобы жить даже в нашем небольшом городе, нужно немало зарабатывать. Удивительно, что, когда ты молод, ты

вкладываешь больше всех и при этом получаешь меньше всех. Я бегал корреспондентом для газеты, писал статьи для сайта. Но денег все равно катастрофически не хватало. Каждый вечер я заходил к бабушке. Состояние ее ухудшалось: сахарный диабет, сердце и прочее. Принести то, подать сё, прибраться, приготовить.

Домой я прихожу изможденным. Даша кормит меня, спрашивает обо всем. Думаю, у нас есть контакт и много общего. Думаю, нам интересно друг с другом.

И знаете, очень помогал компьютер. Погружаешься в него на несколько часов, изучаешь неведомые миры, захватываешь Европу. «Век парусников», «НХЛ», «НБА», «Лига чемпионов» и многое другое. Вздрагиваешь от внезапных нападений, любишься графикой – в общем, живешь полной жизнью. Хотелось купить игровую приставку, но, как я уже сказал, денег катастрофически не хватало. Можно, конечно, было взять еще участок у дома для работы дворником, но вряд ли я бы это потянул.

* * *

Так прошел год. Бабушка продолжала болеть. Я каждый день ухаживал за ней, бегал по работам (когда все это кончится!), приходил домой изможденным, жил с Дашей, играл по вечерам (иногда и по ночам).

И вот Даша говорит мне, что не хочет так больше жить,

что ей не хватает моего внимания, что ей пора уже замуж – со всеми вытекающими последствиями. Что я мог ей ответить? Что я мог изменить в нашей жизни? Я не мог оставить бабушку, не мог улучшить наш секс, у меня не было возможности водить ее по ресторанам, вывозить в отпуск. Нужно было терпеть или... Даша поняла меня и осталась.

* * *

Бабушка умерла через месяц.

Меня не отпускает одна мысль. Это был звонок от бабушки в день ее смерти. Я уже приехал от нее, поел и уселся проходить новый выпуск «Кол оф Дьюти». Как вдруг зазвонил телефон. Она что-то чувствовала и просила поговорить с ней. Я постарался успокоить ее. Она сказала: «Да-да, теперь все нормально, до завтра». «Давай я приеду», – предложил я. Она ответила: «Ни к чему». На том и закончили разговор. Пожелали друг другу спокойной ночи и повесили трубки. Она, наверное, попыталась заснуть, а я вернулся к своим делам. С тяжелым сердцем.

Ночью бабушка умерла. И никого не оказалось рядом. На следующий день никто не открывает мне дверь, я спешно достаю свой ключ, вхожу, зову и потом вижу. Что я делал тогда? Потрогал руку? Поднес зеркало ко рту?

* * *

Мы переехали в бабушкину квартиру. На скорую руку сделали ремонт. Купили новый компьютерный стол и раскладной диван. Стало довольно-таки уютно.

Я немного продвинулся по карьерной лестнице: стал редактором сайта. Стал побольше получать. Бросил вторую работу, появилось больше свободного времени. Может, купить приставку?

Даша все говорит о будущем. Она просто устремлена туда. И ее будущее всегда – это жизнь в Питере. Там больше возможностей, работы, театров, концертов, ближе Европа. Разве то, с кем ты, не важнее того, где ты?

* * *

Даша уехала таки в Питер. Мы решили, что попробуем пожить какое-то время в разных городах. Проверим чувства. Хотя мое отношение к ней мне понятно: как последний довод в дискуссии, я предложил ей пожениться. Она попросила время на размышление.

Я почти неделю был в шоке от ее отъезда. Даже к компьютеру дома не подходил. Лежал и смотрел в потолок, просто чувствовал пустоту, отсутствие рядом Дашиного тепла. На работе все делал машинально, автоматически.

* * *

И вдруг она мне написала. Она попросила меня зарегистри-

стрироваться «В Контакте». Честно говоря, я не понимал раньше, зачем нужны социальные сети, недолюбливал их. А там оказалось столько возможностей! Я получаю нескончаемое удовольствие от этой штуки. Это даже круче игр!

Мы добавились с Дашей друг другу в друзья, и ниточка, разорвавшаяся между нами, словно снова связалась. Нет больше никаких преград – очень крепкая духовная связь. Теплые слова, поддержка, помощь, советы. Потом появились и фильмы, музыка.

Я чувствую, что раньше, наверное, чуть-чуть зависел от игр. Это и мешало мне в отношениях с людьми. Теперь я веду себя гораздо более раскованно: общаюсь с френдами (в первую очередь с Дашей), лайкаю посты, иногда сам пишу кое-что из понравившегося. Жаль, что нельзя пока поставить лайк «Не нравится»: очень нужна была бы кнопка.

Весь мир передо мной. Он открыт мне, а я – ему.

2017 г.

Премия

* * *

Я вышел из университета в хорошем настроении. Голова после таблетки перестала болеть, впереди был обед (рассольник или борщ?), солнце било в глаза, отражаясь на мартовском насте.

И, конечно, до сих пор грела эйфория от полученной премии. Скандал, случившийся на церемонии, меня не касался, свою награду я успел получить до него. А что было дальше? Суета, возмущенные крики, охрана.

В этом хаосе я смотрел только на него – нашего благодетеля, и меня поразило, насколько спокойным он оставался. Только что ему в лицо были брошены обидные, несправедливые слова, а он всего лишь улыбнулся в ответ и ждал, пока охрана сделает свое дело.

В новостях, конечно же, этот момент не показали (и правильно). Что случилось дальше с девушкой, которая устроила эту выходку? Мне врезалось в память ее бледное лицо, два красных полумесяца вместо губ и напряженная нервная улыбка, сквозь которую прорывался дрожащий голос. Да, она боялась, она знала, что с ней будет, таким вестовым Крапилиным. Ты хорошо начал, но плохо кончишь, Крапи-

лин. Правда, на колени она так и не встала.

Получается, друг другу противостояли две улыбки. Одна спокойная, царственная, а другая напряженная и истерическая. Кто кого? Надо признать, девушка была красива в тот момент, под своим «газовым колоколом». Черное каре, веснушки, тонкая фигура и сжатые кулачки. Я ведь не мог видеть ее руки из-за длинного парня на первом ряду, но уверен, что там были сжатые кулаки.

Невольно я уставился на такое же черное каре, идущее передо мной. И фигура была подходящая, охваченная синей курткой, а внизу – сапожками до колен. Та, наверное, тоже ходит без шапки – подумал я, но обгонять и заглядывать в лицо (как иногда делал) не стал. Где та бедняжка сейчас? Ну что ж, сама виновата. Когда на власть нападают, она защищается как умеет. Иначе исчезнет стабильность, и мы потеряем страну.

Преследование черного каре настолько увлекло меня, что я свернул во двор. Но проход был сквозным и не мешал мне добраться до обеда. Рано или поздно она отвернет в сторону, я увижу незнакомый профиль и пойду по своим делам.

И вдруг я заметил пару подозрительных типов. Вроде бы и одеты они были прилично (пальто и шапки), но слишком уж косо посмотрели в нашу сторону, а один держал руки за спиной. Мгновение спустя они решительно двинулись нам наперерез.

Вначале я подумал, что они по мою душу. В голове про-

неслось: кого же я отчислил в прошлом семестре, кого лишил стипендии на бюджете? Но почти сразу стало понятно, что их целью было черное каре.

В кино и книгах (например, в акунинском «Шпионе») это происходит быстро и весело. Раз, два – и злодеи повержены. Но в тот момент во дворе не было чемпиона-боксера – только девушка и преподаватель вуза, обладатель Государственной премии Российской Федерации для молодых ученых.

Не инстинктивно, а следуя примерам из фильмов и представлениям о долге, преодолев накотившийся страх, я сделал несколько быстрых шагов и встал между девушкой и типами. Тогда тот, что держал руки за спиной, замахнулся.

Я думал, там будет пистолет, нож, бомба. Что еще могло рисовать воображение преподавателя истории?

Мне в глаза брызнула темная жидкость, и я потерял зрение от боли и неожиданности.

* * *

Когда эти два типа подступили ко мне, я подумала, что все кончено. А я-то гадала: почему меня отпустили? Не исключая, что по личному приказу. Разумеется, прикончить меня следовало не в сердце нашей родины, а где-нибудь в подворотне...

Но между мной и этими людьми, откуда ни возьмись, вырос какой-то молодой человек. Слава Богу, что оружием ока-

зался не пистолет, не нож или граната – все бы сгодились для такой соломинки, как я, – а банка зеленки. Негодяи облили беднягу с ног до головы и убежали. А мне достались лишь изумрудные брызги на щеке...

Зеленка... Оружие негодяев. Так они помечают двери и лица врагов власти. С чем же сравнить ее? Разве что с дегтем, которым вымазывали ворота у провинившихся девиц в деревнях. Современное варварство, направленное против свободы. Не с этим ли боролся мой отец?

Но, попав в глаза, как известно, она становится опасной. Теперь мой неожиданный защитник нуждался в заботе. Я попробовала промыть ему глаза водой из бутылки, однако лучше ему не стало. Он вспомнил, что через два квартала находится поликлиника, и мы побежали туда. Я держала его за руку и думала об одном: только бы не ослеп, только бы не ослеп...

В регистратуре спросили как да что и отправили в травмпункт. Его завели к врачу, а я осталась в коридоре. Знакомые мысли снова полезли в голову...

Долго ли это будет продолжаться? Меня выпустили через несколько часов допроса. Мне даже не предъявили обвинение. Неужели он меня простил? Простил... А я его нет. И никогда не прощу.

Мой отец говорил: береги платье снову... Дальше обычно продолжала я. Но что такое честь в современном мире? Редкие истории, рассказанные СМИ с полей преступных и бес-

смысленных войн?

Отец знал, что такое честь. Поэтому он слег, когда узнали, что его университет со столетней историей закрывают, «присоединяют путем слияния» – так, кажется, говорили? Сердце шалит – сказал доктор и добавил: понаблюдаем. Через два дня отец умер. На похороны пришел весь «неэффективный» вуз и стоял у гроба, потупив глаза, утирая слезы. А потом отправился дальше – приспособливаться, привыкать «продавать себя», «оказывать образовательные услуги клиентам».

Какой же дикий этот новый язык? Он выворачивает наружу все мое нутро. И это я должна считать великим и могучим? Да Абрамян в седьмом классе лучше говорит на русском! И мысли у него хоть и хитрые, но хорошие.

Меня позвали...

* * *

Я не заметил, как она стала мне близка. Какое-то время я не мог ее видеть, но мог слышать. Вместе с голосом в палату входил едва уловимый запах женщины, как я понял позже и надежно утвердил где-то в себе – ее запах. Вместо благодарностей теперь звучали ободряющие разговоры, рассказы о том о сем.

Может, дело было в том, что тогда я был свободен? Какие-то прежние отношения не хотелось вспоминать и казалось: вот оно, то самое. От этих мыслей бабочки порхали

в животе. И не только.

Что я узнал о ней? Учит детей в школе. Пишет стихи. Предложили опубликоваться в центральной газете. Заметили. Дали такую же премию, как и мне. Решила свести личные счета с благодетелем и устроила скандал. Не понимает, почему отпустили (для меня-то его милосердие не в новинку). Я тоже не понимаю. Смех.

Вначале она неуверенно касалась моей руки, потому начинала встречу с рукопожатия. Наконец, и я взял ее за руку.

Глаза мне спасли, только зрение сильно село. Выписали очки (и они мне идут).

Мы стали встречаться после больницы. Ходили в кино, гуляли. И тут моя карьера пошла в гору: предложили заведование кафедрой, и я не отказался, хотя должность была, как говорили, расстрельная, в свете грядущей аккредитации.

Ее любовь стала, если можно так выразиться, моей отдушиной. Голова шла кругом от нагрузки и проблем. И где-нибудь в середине недели или в воскресенье я заваливался к ней совсем обессиленный, отрывал ее от тетрадок и проводил ладонью под футболкой – по позвоночнику вверх и вниз. Как художник, я прорисовывал контуры ее тела вначале пальцами, затем губами. Она была хрупка, как соломинка, но в ней билось значительно больше, чем мог себе представить Паскаль, – мыслей, чувств, страсти, красоты.

Он лежал рядом, и меня накрывали привычные мысли....

Вот он патриот, а я либералка. Он говорит, что власть дала ему все: образование, работу, карьеру, гранты. У него нет причин не доверять ей. Он считает, что те, кто не приспособился, сам виноват. Вокруг одни враги, а Россия сосредоточивается. Есть ли какая-нибудь страна, которая по-настоящему демократична? Идет раздел ресурсов. И Россия – лакомый кусочек...

Экономика должна быть экономной. Кто заявку лучше оформил – того и грант. Человек человеку волк. Выживает сильнейший. Нужно уметь работать и зарабатывать. Закончилось время слабых – настало время активных и эффективных. Естественный отбор...

На каждый его тезис у меня находился антитезис. Бумаги, а не дело. Коррупция, а не развитие. Изоляция, а не сотрудничество. Война, а не культура. Лозунги, а не репутация. Фальшивые показатели, а не живой человек. Отсутствие смысла...

И поначалу это были жаркие споры. Но, как известно, у влюбленных любые споры заканчиваются одним. Я ждала этих сред, этих воскресений, чтобы спорить и любить, спорить и любить. И когда он спал, пробежаться глазами по его лицу, рукам и дальше. Даже дети заметили, как я изменилась. Сказали: похорошела...

Во мне было слишком много воспоминаний, которые ме-

шали все отпустить на самотёк. Например, многие люди не могли мне простить того, что я получила премию. Одна заявила: я бы на твоём месте отказалась, как можно брать это из рук тирана! Но у меня был свой план...

А теперь ещё и брат позвал меня к себе. Что же будет с нами?

* * *

Я сделал трудный выбор. Фактически – между родиной и любовью. Я выбрал последнее. Наверное, этот шаг ещё долго будет мучить меня. Не предательство ли это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.